

Мы продолжаем публикацию материалов о судьбе представителей рода Олферьевых, и хорошим подспорьем при их подготовке стала книга воспоминаний последнего хозяина Уды, подполковника и земского начальника Александра Петровича Олферьева. К сожалению, газетный формат не позволяет полностью познакомить наших читателей с этим уникальным документом, воспроизводящим многие страницы истории, живописующим быт и нравы сельской глубинки дореволюционной России. Сам Александр Петрович был незаурядной личностью, даже в минуты тяжких испытаний он сумел остаться Человеком с большой буквы.

Достаточно ознакомиться с оглавлением книги, чтобы понять, насколько насыщенной и в то же время сложной была его жизнь: «Государева служба», «Коронация и Ходынка», «Возвращение в Уду. Революция 1905 – 1907 годов», «Революция 1917 года», «Крах», «1918 год. Снабжение Москвы продуктами», «Первые аресты. Смерть сына», «НЭП», «1924. Третий арест. Пензенская тюрьма», «Саранск. Приговор к высшей мере», «Тюрьма в Симбирске», «Неудачная коммерция. Четвертый арест», «Ссылка в Саратов», «Пятый арест. Бутырка. Саранская тюрьма», «Ссылка в Казахстан»...

Эта книга, по сути дела, является летописью очевидца множества событий в жизни

России и его малой родины. В подтверждение сказанному приведем пару абзацев.

«Семья моего отца поселилась в селе Уде после свадьбы, состоявшейся в январе 1867 года, и в этом же году в ноябре 16 дня появился я на свет.

В имени было 862 десятины земли с участком чернолесья и тремя громадными проточными прудами на протекавшей от большого казенного леса речке Аморде. Этой речкой, протекавшей с юга на север, земля при селе Уда делилась на две почти равные половины, а пруды шли террасами. На всех прудах были поставлены мукомольные мельницы. Грандиозные плотины были возведены в конце восемнадцатого века (точно не знаю) и в них была разведена бывшим тогда владельцем имени Нестеровым рыба: сазаны, голавли, окуни, плотва и лещи. При ловле попадались экземпляры фунтов на 15 и выше (от ред.: один фунт равен 454 грамма). На моей памяти был пойман неводом лещ в 18 фунтов весом. Вообще ловля была обильная, а пойманная рыба хранилась в особых, всегда запертых на ключ, садках в тех же прудах.

Земли восточной половины были гористы с каменистой (мергелевой) почвой, а в западной части был тяжелый глинистый чернозем без леса. Почва была плодородна, но требовала грубого соломенного удобрения. Около 300 десятин отец сдавал крестьянам села Уда в арендное пользование, а остальную землю обрабатывал сам. Лесные угодья он бережно охранял, так как по западному берегу речки было много родников с очень хорошей водой. Для сохранения их силы лесной покров был необходим. Мельницы на прудах работали на водяных колесах. Мельницы на верхнем и среднем пруду принадлежали моему отцу, а на нижнем – крестьянам. На среднем пруде при мельнице была устроена ческа шерсти. Мельницы давали хороший доход от помола зерна и ческе шерсти от окрестного населения. Подвоз помола был обильный. Жили мы хорошо и широко.

Пензенский губернатор Александр Александрович Татищев предложил занять отцу место члена губернского присутствия в Пензе, на что мой отец и согласился. Татищев знал моего отца, так как его имение при селе Протасове было от нас в 8 верстах и на той же речке Аморде, вытекавшей из наших прудов. Это было большое и благоустроенное имение с земельной площадью около 3 000 десятин с хорошей усадьбой: большим садом и большим кирпичным домом. По смерти А.А. Татищева имение по наследству перешло к его племяннику Леониду Леонидовичу Татищеву, очень милому и приятному человеку. Его страсть была ювелирные работы. Его работы были изящны, художественны и оригинальны. Ювелиры обращались к нему за образцами и рисунками, но он им отказывал, так как считал это торговой сделкой. Он очень хорошо относился к нашей семье и часто бывал в Уде и Павловке. Вторая его страсть была лошади, и он увлекался этим очень».

Редакция выражает слова особой благодарности Алексею Михайловичу Олферьеву за предоставленные фотографии и электронную версию книги воспоминаний своего.

